

МОЛЬ

Когда себя и мир не изменить,
Тяни судьбу за шерстяную нить
И радуйся, иного не умея.
Пока ей – ни начала, ни конца,
Пусть с крыльев осыпается пыльца
Тумана предрассветного бледнее.

Безвольно погружаясь с головой
В медитативный шорох меховой,
Живи надеждой, что тебя минует
В который раз, сорвавшись с высоты –
Над облаком таких же как и ты –
Хлопок одной ладони о другую...

СОН

До кислотной зари
Через брешь в потолке

Он со мной говорил
На ином языке
И шагреневость дня
Чёрным набело шил,
Чтобы стать для меня
Безвозвратно чужим.
Он срывался на вой,
Он менял голоса,
Он прозрачной рукой
Закрывал мне глаза.
И, оскалившись, зло
Бездной зевов кривых,
Шли из тёмных углов
Трафальгарские львы.
Как под грудой камней
В талых сумерках рва,
Я спала... И во мне
Умирали слова.

ПАННОЧКА

Очерти этот круг. И ещё один круг. Вот – мел.
Очерти наугад: первый – в сердце, второй – в уме:
Между явью и сном, между светом и тьмой, Хома.
Разуверь себя в том, что иллюзия – не обман.
Не ищи судьбоносные знаки ни там, ни тут,
Не смотри, как в тебе пробуждается прежний Брут –
Ты сильнее его, ты – надежда окрестных бурс.
И такие, как ты, никогда не меняют курс
На параде планет, где идут за звездой – звезда:
Выбирай хоть какую – любая ответит «да»...
Только нет, не её (этот выбор для всех – табу),
Что летает ночами в сосновом своём гробу
По-над городом тенью, не видимая никем –
Только ветер по крышам и рябь по Москве-реке.
Ей сигналил рассвет, заметив её едва –
Но не видит она, потому что она мертва.
Под словами её рассыпаются в прах листья,
Ей земля – как погост, а на нём – куполов кресты,
Ей людское – тюрьма, а за гранью его – простор... –
На таких виражах выживают один на сто.
Остальным суждено провалиться за окоём...
Потому ни лица нет, ни имени у неё,
Только пепел в руках, только яд и свинец в крови.
Только Вий может с нею поспорить и только Вий
Равен ей по природе, по сумраку из-под век:
Он – такой, как она, тоже – нежить, не человек...
... А куда всерьёз не жалеется ни о чём,
А куда тебе не наскучила жизнь ещё,
И из проклятых бездн не доносятся смех и вой,
Открестись от неё тонкой линией меловой,
Раздели мир на два, и рассеется колдовство:
Что мертво за чертой – то уже навсегда мертво...

БЕККИ Т.

– Милости просим! – Чудесный вечер!
(Время расшаркиваться в гостях).
«В город приехала Бэки Тетчер», –
Тома соседи оповестят.
Сойер в ответ не издаст ни звука
(Экая невидаль – дочь судьбы!).
Прочие в очередь жмут ей руку –
Все незнакомы, но все свои.
В Санкт-Петербурге сезон прохладный
(С градом и ливнями по ночам).
Бэки, продрогнув, стоит в парадной.
Том не выходит её встречать.
Тома волнуют иные темы

(Дети, любовница, курс валют),
Вместе с долгами растут проблемы,
Страхи возводятся в абсолют.
Тайно читая заметки Бэки
(Вспомнишь – и станет нехорошо),
Том засыпает в библиотеке,
Видит в кошмарах индейца Джо,
Видит, как в тесном купе вагона,
Стайкам химер помахав рукой,
Первым же рейсом до Вашингтона
Бэки вернулась к себе домой,
Как позабыла слова и лица
(Повод к волнению по мелочам)...
Том через год навестит столицу.
Бэки не выйдет его встречать.

ХАРОН

Там, за фильтрами злой непогоды,
За чертою беды и вины
Чёлн Харона на мусорных водах
Ясно виден с любой стороны.
Как и прежде, в хароновой власти,
Рассекая волну по ночам,
Отгребать искорёженный пластик
В обе стороны взмахом с плеча,
Ибо всё в этом мире некстати,

Ибо жизнь холодна и мутна
От неласковых слов и проклятий,
Что ему посылают со дна...
Потому и без жалости мнимой,
Без намёка на внутренний слом
Он зевак, проплывающих мимо,
Настигает и топит веслом,
Чтобы стало ему не обидно,
Чтобы стало легко на душе...
Там, за мусором, многих не видно.
Потому и не жалко уже.